

Е. Е. Юдин

<https://orcid.org/0000-0002-8825-7358>

✉ evgeny_yudin@mail.ru

Московский педагогический государственный
университет (Россия, Москва)

ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ II И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОЖИДАНИЯ РОССИЙСКИХ «ГЕРМАНОФИЛОВ» НАКАНУНЕ 1914 Г.: УТОПИЯ ИЛИ НЕОСУЩЕСТВЛЕННАЯ ВОЗМОЖНОСТЬ?

Аннотация. В статье рассматриваются мотивы и содержание в годы, предшествовавшие Первой мировой войне, политической активности российских «германофилов» из числа крупных сановников и аристократов, которые предприняли шаги по воздействию на императора Николая II с целью восстановления дружественных отношений Российской империи с германскими монархиями. Как показывает анализ источников, российские самодержцы начиная с 1880-х годов находились под мощным влиянием панславистов и неославянофилов и сами на психоментальном уровне разделяли установки этих идеологических течений. В то же время вплоть до 1914 г. Николай II демонстрировал определенную приверженность династическим связям с Германией, часто посещал эту страну и поддерживал внешне дружеские отношения с кайзером Вильгельмом II. Это рождало определенные иллюзии у российских «германофилов», представленных среди как дипломатов, так и придворных, в отношении возможного изменения внешнеполитического курса. Однако их публичные выступления и прямое обращение к царю (В. П. Мещерского, П. Н. Дурново и М. А. Табубе) не привели ни к каким политическим результатам. На наш взгляд, это объяснялось как отсутствием разработанной идеологии (российские «германофилы» использовали уже анахроничную концепцию «монархической солидарности» или руководствовались политico-экономическим прагматизмом), так и тем внутренним выбором в пользу «национальной» войны против Германии, который Николай II сделал задолго до 1914 г. Неудивительно, что попытки на основе рациональных аргументов обосновать опасность столкновения России с Центральными державами проиграли в конечном счете иррациональной идеологической конструкции, которая утверждалась в сознании последнего российского царя.

Ключевые слова: император Николай II, российские «германофилы», высшее петербургское общество, российско-германские отношения, истоки европейского кризиса 1914 г.

Для цитирования: Юдин Е. Е. Император Николай II и политические ожидания российских «германофилов» накануне 1914 г.: утопия или неосуществленная возможность? // Шаги/Steps. Т. 11. № 4. 2025. С. 104–121. EDN: IRNRZA.

Поступило 27 февраля 2024 г.; принято 28 октября 2025 г.

E. E. Yudin

<https://orcid.org/0000-0002-8825-7358>

 evgeny_yudin@mail.ru

*Moscow Pedagogical State University
(Russia, Moscow)*

EMPEROR NICHOLAS II AND THE POLITICAL EXPECTATIONS OF RUSSIAN “GERMANOPHILES” ON THE EVE OF 1914: UTOPIA OR UNFULFILLED OPPORTUNITY?

Abstract. The article examines the motives and content of political activity in the years preceding World War I by Russian “Germanophiles” from among high-ranking officials and aristocrats who took steps to influence Emperor Nicholas II in order to restore friendly relations between the Russian Empire and the German monarchies. As the analysis of the sources shows, Russian autocrats since the 1880s were under the powerful influence of pan-Slavists and neo-Slavophiles, and they themselves, on a psycho-mental level, shared the attitudes of these ideological movements. At the same time, throughout his reign until 1914, Nicholas II demonstrated a certain commitment to dynastic ties with Germany, often visited that country and maintained outwardly friendly relations with Kaiser Wilhelm II. This gave rise to certain illusions among Russian “Germanophiles”, who included both diplomats and courtiers, regarding a possible change in foreign policy. However, their public speeches and direct appeal to the tsar (V. P. Meshchersky, P. N. Durnovo and M. A. Taube) did not lead to any political results. In our opinion, this resulted both from the lack of a developed ideology (Russian “Germanophiles” used the already anachronistic concept of “monarchical solidarity” or were guided by political and economic pragmatism) and from the internal choice in favor of a “national” war against Germany, one that Nicholas II made long before 1914. It is not surprising that attempts, on the basis of rational arguments, to make clear the danger of a collision between Russia and the Central Powers ultimately lost to the irrational ideological structure that became established in the mind of the last Russian tsar.

Keywords: Emperor Nicholas II, Russian “Germanophiles”, the high society of Petersburg, Russian-German relations, the origins of the European crisis of 1914

To cite this article: Yudin, E. E. (2025). Emperor Nicholas II and the political expectations of Russian “Germanophiles” on the eve of 1914: Utopia or unfulfilled opportunity? *Shagi / Steps*, 11(4), 104–121. EDN: IRNRZA. (In Russian).

Received February 27, 2024; accepted October 28, 2025

Вступление Российской империи в 1914 г. в Первую мировую войну, как и в целом истоки этого европейского вооруженного конфликта, традиционно связывают с обострившимися в начале XX в. экономическими и политическими противоречиями между ведущими державами, характерными для данной стадии развития индустриальной цивилизации (периода «империализма»). Этот общий теоретический вывод в конкретно-исторических исследованиях дополняется доскональным анализом действий европейских монархов, крупнейших политиков и профессиональных дипломатов, которые совместными усилиями довели Европейский континент до глобального вооруженного столкновения и тем самым подтвердили «объективную» природу и последствия сложившихся противоречий. В меньшей степени обращается внимание на то, что для европейских правящих элит той эпохи, в том числе Российской империи, эти «объективные» противоречия, вскрытые современными историками, если и не были полностью неизвестными, но уступали по своей значимости совсем другим и, казалось бы, несколько иррациональным мотивам. В первую очередь речь идет о тех установках, которые политические лидеры эпохи, и два последних российских императора здесь не являлись исключением, приобретали под воздействием воспитания, идеологических влияний и культурных предпочтений и которые существенным образом корректировали внешнеполитический курс великих держав, формировали образ как возможного врага, так и союзника. Рациональное понимание современными исследователями политических решений, которые принимались главами великих держав в предвоенный период, не должно игнорировать взаимосвязь стереотипов, внутренних переживаний, с одной стороны, и индивидуальных импульсов, определяемых конкретной исторической реальностью, — с другой.

Так, на наш взгляд, заключение в 1891–1893 гг. военно-политического союза самодержавной России с республиканской Францией, что впервые означало реальную возможность русско-германской войны, стало возможным не только в результате изменившегося расклада сил на Европейском континенте, но и благодаря демонстративной неприязни ко всему немецкому императора Александру III, который во внешнеполитических вопросах испытывал сильное влияние панславистских и консервативно-шовинистических кругов. По мнению Х.-Д. Лёве, контакт царя с этими кругами обеспечил К. П. Победоносцев. В этом отношении его поддерживали князь В. П. Мещерский и М. Н. Катков. Эти круги были убеждены, что тесный союз с Германией мешает России проводить экспансию на Балканах [Леве 1997: 483–484]. Хорошо известно, что Александр III позволил Каткову, по выражению Р. Уортмана, «невиданную свободу» в критике Министерства иностранных дел и традиционного курса Н. К. Гирса на поддержание дружественных связей с германскими монархиями [Уортман 2004: 360–361]. Неославянофильские идеи, ощущение национального превосходства России были характерны для мировоззрения ближайшего окружения царя. Граф Д. А. Олсуфьев, чей дядя

граф А. В. Олсуфьев был «своим» человеком при дворе Александра III, отмечал в воспоминаниях, что именно в 1880-е годы «у престола и среди правой молодежи воцарилось национально-религиозное направление — славянофильское», которое зачитывалось Данилевским («Россия и Европа») и Страховым («Борьба с Западом в нашей литературе») [Олсуфьев 2021: 197]. Откровенно антигерманскими взглядами отличались императрица Мария Федоровна и многие из великих князей дома Романовых. В апреле 1887 г. австро-венгерский атташе в Санкт-Петербурге Э. Клепш в письме Алоису фон Эренталю так характеризовал взгляды высших слоев петербургского общества:

Мы живем здесь, находясь в центре самого зловещего явления, и весь свет, в том числе самые лучшие и самые влиятельные русские, оказались как бы поражены слепотой. Сейчас самый что ни на есть поучительный период для психиатров и просто наблюдателей. Это одновременно и предостерегающий пример того, как безумное, сбивающее влияние может оказывать на миллионы, на тысячи просвещенных членов не контролируемый авторитет духовных и физических свойств «национального патриотизма». <...> С кем бы я ни разговаривал, постоянно слышу: России угрожают со всех сторон (т. е. Германия и мы) — России необходимо сосредоточиться на своей защите — только в этом якобы и заключается опасность войны. Однако тебе как другу расскажу и то, что эти более или менее высокие господа говорят между собой. <...> Говоря кратко, это то, что я называю политической директивой России, и то, что, конечно же, никогда и нигде публично не провозглашается. <...> Германия должна быть повержена, потому что она слишком сильна. Русское слово заглушается, и России препятствуют выполнять ее святую национальную миссию, которую здесь распространяют от Балканского полуострова до — двухвосткой — на севере до Будвайза и на юге включая Иллирию — территории, которые профессор Ламанский называет внутренним вопросом России. Австрию же необходимо низвергнуть, как конкурентку и собственницу того, чем самим бы хотелось владеть. <...> Император Александр III <...> прислушивается лишь к тем людям, которые принадлежат к панрусской партии [Wank et al. 1994: 18–20].

С воцарением Николая II идеология и внешнеполитические чаяния этих консервативно-шовинистических кругов оставались неизменными. Генерал А. А. Киреев, один из видных представителей неославянофильства, лаконично выразил эту идею (март 1909 г.) так: «Теперь врагом нашим является Германия, сильная, благоустроенная и систематическая» [Киреев 2010: 311]. У этих влиятельных сил были все основания полагать, что новый император в полной мере станет, как и его отец, защитником «славянской идеи» на Европейском континенте. В соответствующем ключе составляли свои отчеты российские дипломаты в Берлине и Вене. Даже умеренный в своих отношениях к «германским» монархиям В. Н. Ламз-

дорф в «Обзоре внешней политике России за время царствования Александра III», представленном в 1895 г. новому императору, подчеркивал «вызывающий и экспансионистский характер» политики Австро-Венгрии и ее поддержку со стороны Германии¹. Показательны в этом смысле отчеты, которые состоявший при германском императоре генерал-майор И. Л. Татищев направлял Николаю II в 1906–1914 гг. В них постоянно подчеркивалось «критическое и неприязненное» отношение немецкой прессы, «издаваемой евреями» к России². В 1913 г. Татищев в одном из писем царю констатировал: «расовое столкновение со славянством» воспринимается в германском обществе уже как «неизбежное» [Ливен 2017: 332]. Накануне 1914 г. националистические и, в частности, антигерманские идеи определяли политическое мировоззрение большинства думских фракций [Игнатьев 2000: 52–53]. Весьма показательно, что еще до 1914 г. самым эффективным публицистическим оружием германских националистов, таких как, например, историка Теодора Шимана, становились цитаты из российской националистической и либеральной прессы, в которых звучали призывы к «решающей битве славянства и германства» [Кёнен 2010: 40–41]. Позднее (в 1915 г.) статс-секретарь германского дипломатического ведомства Готлиб фон Ягов подчеркивал, что именно панславизм, являясь протестом против Западной Европы, изгнал следы «традиционной дружбы династий» — Романовых и Гогенцоллернов [Фишер 2017: 208].

По наблюдениям австро-венгерского посла в Санкт-Петербурге в 1894–1898 гг. принца Франца фон Лихтенштейна, панславизм «разыгрывался» здесь на самом верху, в высших кругах и в кругах серьезных государственных деятелей [Wank et al. 1994: 156]. По мнению Лихтенштейна, еще при Александре III в России возник и укрепился «московитский» дух, который ненавидел все нерусское. Что касается Николая II, то его собственные высказывания, по словам австрийского посланника, говорили о проникновении в его сознание этой ксенофобской идеологии [Вакуниг 2012: 254–255]. В господстве антигерманских настроений в высшем петербургском обществе Лихтенштейн мог убедиться, наблюдая за коронационными торжествами в Москве в 1896 г. Русская аристократия и члены императорской фамилии с удовольствием посещали приемы во французском посольстве и даже оказывали внимание представителям австро-венгерской делегации. Так, граф Мендсдорф был приглашен великим князем Сергеем Александровичем в Ильинское, а граф Форгаш присутствовал на торжествах в Архангельском, регулярно устраиваемых княгиней З. Н. Юсуповой. В то же время «ни одного немецкого дипломата не было видно там, где собиралась [...] элита русского общества» [Там же: 267]. Посетивший Петербург двадцать лет спустя, в феврале 1913 г., специальный представитель австро-венгерского монарха принц Готфрид фон Гогенлоэ-Шиллингсфюрст был особенно поражен крайне

¹ ГАРФ. Ф. 568: В. Н. Ламздорф. Оп. 1. Ед. хр. 53. Л. 2–2 об.

² ГАРФ. Ф. 601: Император Николай II. Оп. 1. Ед. хр. 746. Л. 40–40 об.

раздраженным настроением против габсбургской монархии и Германии, существовавшим во всех руководящих кругах Санкт-Петербурга, чем он делился в своей беседе с советником дипломатической миссии графом А. Хойосом [ÖUA 1930: 697–698].

В предвоенные годы в правящих кругах Российской империи оформилась так называемая группа «патриотически настроенных» сановников в составе министра иностранных дел, военного и морского министров, высших чинов Генерального штаба, которые отстаивали жесткую линию во внешней политике, не желая идти на уступки австро-германскому блоку [Цимбаев 2022: 19–20]. Сотрудник Европейского департамента российского МИДа В. К. Коростовец отмечал в своих мемуарах, что эта антигерманская «партия» среди высокопоставленных дипломатов возглавлялась своеобразным триумвиратом в лице А. К. Бенкendorфа (посол в Лондоне), С. Д. Сазонова (министр иностранных дел) и А. П. Извольского (посол в Париже) [Korostovetz 1931: 218]. По воспоминаниям барона М. А. Таубе, в начале 1914 г. помимо дипломатов именно группа военных, выступавших за войну против Германии, пользовалась особым влиянием на царя [Taube 1928: 328]. Она возглавлялась, как он полагал, великим князем Николаем Николаевичем [Taube 2007: 86]. То же утверждал Отто-кар Чернин [Чернин 2005: 18–19].

Среди историков есть мнение, что Николай II не разделял увлечения панславизмом, но даже сторонники этого утверждения подчеркивают, что последний российский самодержец многое заимствовал у отца, заветы которого глубоко чтил, и отчасти разделял взгляды окружавшей его придворно-аристократической и высшей военной среды [Игнатьев 2000: 39]. Неприязнь к Германии Николай II в какой-то степени унаследовал от родителей, и сам он внутренне был близок установкам неославяно-фильской идеологии, что неоднократно справедливо подчеркивается во многих исследованиях. Он ощущал себя прежде всего «русским патриотом» и в «типичной для славянофила-консерватора манере» соединял в сознании приукрашенный образ русского крестьянина как основы нации и имперско-националистические взгляды во внешней политике [Ливен 2017: 119–120]. «Своеобразный патриотизм» царя был всегда с четко выраженным великодержавным акцентом [Игнатьев 2000: 39]. Как отмечал М. Стейнберг, национализм царя был не просто символическим, он был ключевым компонентом его политических суждений и политики [Steinberg 1995: 21]. По тем немногочисленным фразам, которые встречаются в переписке Николая II или зафиксированы его окружением в устных беседах, можно понять, что в сознании царя Германская империя и ее политика связывались прежде всего с «предательством» на Берлинском конгрессе и общей враждебностью к «славянскому» делу. Кайзер Вильгельм II служил предметом насмешек как образец «пруссачества», грубо-сти и отсутствия утонченности берлинского двора.

На этом фоне определенная часть высших сановников империи и высокопоставленных придворных сохраняли свои симпатии к Германии

и с крайним беспокойством относились к росту влияния воинствующих националистов на Николая II. Судя по всему, эта группа лиц не была многочисленной. В марте 1914 г. поверенный в делах Французской Республики в Санкт-Петербурге Ж. Дульсе сообщал председателю Совета министров и министру иностранных дел Г. Думергу, что в окружении царя «немногие остались сторонниками старой системы трех императоров, монархического и династического союза» [DDF 1936а: 591]. К этой группе российских «германофилов», которые мечтали восстановить «сердечные» отношения между Россией и Германией, обычно относят князя В. П. Мещерского, министра двора графа Б. В. Фредерикса, членов Совета министров — Н. А. Маклакова, В. Н. Коковцова, А. В. Кривошеина, дипломатического корпуса — барона Р. Р. Розена, графа Н. Д. Остен-Сакена, Государственного совета — С. Ю. Витте, П. Н. Дурново, графа Д. А. Олсуфьева. В своих воспоминаниях барон М. А. Таубе присоединял к ним также министра юстиции И. Г. Щегловитова, министра образования Л. А. Кассо, начальника императорской военной канцелярии князя В. Н. Орлова [Taube 1928: 331]. В марте 1914 г. Дж. Бьюкенен сообщал министру иностранных дел Великобритании сэру Э. Грею, что граф Витте хорошо известен как один из тех, кто считает, что установление как можно более тесных отношений с Германией должно быть основополагающим принципом внешней политики России [Lieven et al. 1983: 379]. Исследования доступной корреспонденции Витте показали, что он не испытывал симпатии ни к Германии, ни к кайзеру Вильгельму II [Сагинадзе 2017: 206]. Однако уже в начале войны Витте в частном разговоре с князем Н. Д. Жеваховым назвал войну с немцами «бессмысленной». По его словам, Германию уничтожить невозможно, а германский народ с «вековой культурой, впитавший в свою толщу наиболее высокие начала, не может погибнуть» [Там же: 198]. Некоторые исследователи полагают также, что нельзя недооценивать и влияние прогерманского толка, исходившее от значительной части балтийских немцев, которые занимали много важных должностей в гражданском и военном ведомствах Российской империи [Алексеева 2009: 16].

На что могли рассчитывать представители этой крайне неоднородной группы российских «германофилов» в попытке оказать влияние на отношение Николая II к Германии? В первую очередь сначала существовали достаточно иллюзорные надежды на прогерманские симпатии его жены императрицы Александры Федоровны, урожденной гессен-дармштадтской принцессы. Любопытно, что посол Французской Республики в Берлине Ж. Эрбетт еще в апреле 1894 г. утверждал (в письме министру иностранных дел Ж. Казимиру-Перье), что намечаемый союз наследника российского престола с немецкой принцессой, чья сестра вышла замуж за принца Генриха Пруссского, брата кайзера, произведет тяжелое впечатление на французское общество, имея в виду, очевидно, ее возможные прогерманские симpatии [DDF 1947: 144–145]. Однако, как известно, эти опасения французских союзников оказались ложными. Императрица

прониклась новой для себя православной верой и в целом в дальнейшем разделяла «национально-патриотические» взгляды своего мужа. В марте 1917 г. Александра Федоровна убеждала графа П. Н. Апраксина, предлагающего ей покинуть страну (этот разговор он записал в дневнике), что она «больше русская, чем вы все»³. В то же время определенные теплые чувства к Германии у императрицы оставались. В разговоре с тем же Апраксиным она признавалась, что потерять родину в 20 лет ей «было тяжело и больно»⁴. В сентябре 1914 г. Александра Федоровна эмоционально писала мужу, что страдает «также за свою маленькую старую родину и ее войска» (имеется в виду Гессен-Дармштадт), что ее «сердце обливается кровью», когда думает «как упорно боролись Папа и Эрни за то, чтобы принести нашей небольшой стране нынешнее благосостояние во всех отношениях» [Гереш 1998: 271].

Несмотря на весь масштаб агитации националистов, Николай II был не чужд идеи о традиционной «дружбе» с Германией и не имел личных предубеждений в отношении германского кайзера. В одном из первых своих писем Вильгельму II (1898 г.) русский царь так излагал свое видение будущих отношений их держав: «Германия и Россия издавна в мире, как добрые соседи, и, даст Бог, останутся и впредь близкими и лояльными друзьями» [Вильгельм II 2007: 290–291]. Многовековые тесные династические связи Романовых с правящими германскими монархическими домами продолжали поддерживаться как ни в чем не бывало. Николай II не испытывал к Гогенцоллернам того отвращения, какое выражали его отец и мать. В 1905–1914 гг. русский царь и германский император встречались практически ежегодно [Ливен 2017: 126]. Своим немецким родственникам в 1884–1911 гг. Николай II отправил 57 писем. Среди его корреспондентов были император Вильгельм II, герцогиня Саксен-Кобург-Готская Мария Александровна (тетя царя), ее муж герцог Эдинбургский Альфред, их дочь королева Румынии Мария (Мисси), принц Генрих Баттенбергский и его жена принцесса Саксен-Кобург-Готская Беатриса, брат императрицы Александры Федоровны великий герцог Гессен-Дармштадтский и Рейнский Эрнест (Эрни), принц Максимилиан Баденский [Додонов, Копылова 2016: 9]. Неслучайно в своей пространной записке, поданной царю в феврале 1914 г. с целью убедить его в неприемлемости для России возможной войны с Германией, П. Н. Дурново подчеркивал, что «русский двор поддерживал традиционно дружественные, основанные на родственных связях, отношения с Берлинским» [Записка 2014: 59].

Ни в одной стране Николай II в 1894–1914 гг. не бывал так часто, как в Германии. Причем большую часть времени царь посвящал не официальным встречам с Вильгельмом II, а отдыху в Дармштадте. Своими впечатлениями Николай II делился в письмах к матери императрице Марии Федоровне и к сестре великой княгине Ксении Александровне. Жизнь

³ ОПИ ГИМ. Ф. 25: Апраксины. Оп. 2. Ед. хр. 838. Л. 101 об.–102.

⁴ Там же. Л. 102.

в немецкой провинции казалась ему «простой и привольной»⁵. Российский император восхищался великолепными немецкими дорогами («идеальными для верховой езды») [Чиркова 2017: 257], «полной свободой действий» без тягостного этикета⁶, «великолепными магазинами» во Франкфурте-на-Майне [Там же: 484].

Личные отношения Николая II и кайзера Вильгельма II вплоть до начала войны в июле 1914 г. носили дружеско-родственный характер. Официальные встречи российского и германского императоров всегда обставлялись не только внешне помпезно, но в духе дружбы и семейственности двух династий [Рыбачёнок 2012: 146]. Любопытно, что Николай II и Вильгельм II обменивались не только письмами. Тот же Татищев передавал, например, германскому императору от лица царя в апреле 1909 г., в Страстную пятницу, даже «пасхальные яйца, в то же утро привезенные фельдъегерем»⁷.

После окончательного образования Антанты (1907 г.) и Боснийского кризиса (1908–1909 гг.) личные отношения Николая II и Вильгельма II несколько охладели, но по инициативе именно германского императора. Так, например, Татищев в феврале 1911 г. доносил царю:

С тех пор, что Тройственное соглашение существует, хотя я и не могу отметить враждебного тона, однако отношение ко мне императора перестало быть прежним⁸.

Напротив, царь старался сгладить возникшие трения. Прусский посланник при гессенском дворе Йениш отмечал в своем докладе кайзеру, что Николай II «несколько раз подчеркивал желание того, чтобы установился прежний тон дружеских отношений» [Ольденбург 1991: 439]. В октябре 1910 г. Николай II в письме матери, императрице Марии Федоровне, так объяснял свой предстоящий визит в Потсдам:

В последний раз мы были у имп[ератора] в 1899 году, после этого встречались с ним на море или в Wiesbaden, так что у него в его home я не был уже давно. Уверен, милая Мама, что ты одобряешь мое решение ехать к нему, в настоящее время нам нужно жить с нашими соседями в полной дружбе — что вовсе не трудно avec un peu de bonne volonté de part et d'autre (с небольшой долей добродой воли с обеих сторон. — Е. Ю.) [Чиркова 2017: 780].

Накануне своей последней встречи с кайзером в мае 1913 г. (царь присутствовал на свадьбе дочери Вильгельма II с принцем Кумберлендским) Николай II сообщал князю В. П. Мещерскому, что уезжает в Берлин «бодро и с желанием принести Матушке России возможную пользу» [Vinogradoff

⁵ ГАРФ. Ф. 662: Великая княгиня Ксения Александровна. Оп. 1. Ед. хр. 186. Л. 100 об.

⁶ Там же. Л. 112 об.

⁷ ГАРФ. Ф. 601: Император Николай II. Оп. 1. Ед. хр. 746. Л. 33.

⁸ Там же. Л. 63–63 об.

1962: 156]. Эта активизация царем демонстрации дружеских отношений с Вильгельмом II, разумеется, не могла остаться незамеченной в российских «германоильских» кругах.

Безусловно, царю импонировал политический строй Германской империи, «социальные и монархические симпатии» его придворного окружения также тяготели к Германии [Игнатьев 2000: 40]. В период политического и социального кризиса в России 1905–1907 гг. в сознании Николая II и ряда его советников идеи монархической солидарности с Германией стали как никогда актуальными, но и в последующие годы они не исчезли и оставались основой политической доктрины российских «германофилов» [McDonald 1993: 282].

Особенную обеспокоенность по этому поводу в предвоенные годы проявляли британские и французские дипломаты. В октябре 1910 г. советник британского посольства в Петербурге Хьюго О'Берн сообщал сэру Э. Грею, что «в этой стране есть сильная партия, которая считает, что главной целью российской дипломатии должно быть, при сохранении французского союза, восстановление сердечных отношений с Германией» [Lieven et al. 1983: 67]. По словам О'Берна, этого мнения в значительной степени придерживались в придворных кругах, и оно также широко было распространено среди военных и в высших официальных кругах. Как вспоминала дочь британского посла в России Дж. Бьюкенена Мириэль Бьюкенен, Х. О'Берн был одним из самых осведомленных сотрудников посольства, прекрасно разбиравшимся в особенностях придворной жизни и настроениях высшего петербургского общества [Алексеева 1998: 119]. Сам Дж. Бьюкенен в своем послании Э. Грею (март 1914 г.) также подчеркивал: «...не может быть никаких сомнений в том, что лица из ближайшего окружения императора нередко сравнивают материальные преимущества, которые можно извлечь из взаимопонимания с Германией, с весьма проблематичными преимуществами, которые может предложить англо-русское взаимопонимание» [Lieven et al. 1983: 379].

Действительно, в предвоенные годы и особенно в первые месяцы 1914 г. наблюдалась определенная активизация петербургских «германоильских» кругов в их попытках повлиять на царя с целью изменения внешнеполитического курса. В начале апреля 1914 г. посол Французской Республики в Лондоне П. Камбон сообщал министру иностранных дел Г. Думергу, ссылаясь на свой недавний разговор с «высокопоставленным английским политическим лицом», хорошо знающим российские реалии, что сторонники Германии, которые всегда сохранялись в России в придворном мире и в политических кругах, в настоящее время очень заняты тем, чтобы обратить императора Николая к идее российско-германского сближения [DDF 1936b: 100–101]. Первые шаги в этом направлении, как известно, были сделаны князем В. П. Мещерским. Судя по его «дневникам», публиковавшимся в журнале-газете «Гражданин», он полагал, что главным условием умиротворения внешнеполитической ситуации должны были быть дружественные отношения России и Германии [Черникова

2017: 413]. Д. Ливен, проанализировавший все выпуски этого издания за 1908–1914 гг., подчеркивает, что подобные внешнеполитические суждения там повторяются часто [Ливен 2017: 132]. В 1912–1913 гг. Мещерский активно выступал против «славянофилов» и «поджигателей войны» [Стогов 2007: 45]. Известно, что Николай II прислушивался к князю и периодически поддавался влиянию его взглядов во внутриполитических делах. В 1914 г. царь даже составил собрание выдержек и озаглавил его «Из дневников 1914 года. Мысли князя В. П. Мещерского» [Соловьев 1991: 251]. Д. И. Стогов полагает также, что и его советы царю в вопросе необходимости улучшения отношений с Германией достигали определенного результата [Стогов 2007: 45–46]. Как свидетельствуют записи камер-фурьерских журналов, с января 1910 по март 1914 г. князь В. П. Мещерский десять раз удостаивался аудиенции у Николая II, причем на период с 4 февраля по 24 марта 1914 г. приходилось целых четыре подобных приема [Там же: 79–80]. Однако в итоге частые встречи Мещерского с царем, где он мог напрямую изложить свои внешнеполитические взгляды, не имели видимых политических последствий.

В январе 1914 г. барон Р. Р. Розен выступил в Государственном совете с призывом к улучшению русско-германских отношений и с предупреждением об опасности шовинистических взглядов в российском обществе [Макдональд 2012: 293]. В феврале 1914 г. о желательности укрепления российско-германских отношений говорил германскому послу при царском дворе князь В. Н. Орлов. В середине марта российский посол в Константинополе М. Н. Гирс, только что вернувшийся из Санкт-Петербурга, рассказывал германскому представителю при османском дворе Г. фон Вангенхайму, что в России существует большая и сильная партия, считающая ключевой основой российской внешней политики отношения с Германией [Там же: 292–293]. О своих беседах с несколькими представителями высшего петербургского общества, которые следовали через Берлин, в марте 1914 г. сообщал министру иностранных дел Франции Г. Думергу посол Республики при германском дворе Ж. Камбон. И все они, по его словам, охотно высказывали скорее «прогерманские чувства» [DDF 1936b: 66]. В своем донесении от 21 марта 1914 г. Г. Думергу Ж. Дульсе с беспокойством сообщал не только о статье в газете «Новое время» С. Ю. Витте, где развивалась идея заключения русско-франко-германского союза, но и об интервью в этом издании бывшего министра торговли и промышленности В. И. Тимирязева, который также высказывался в пользу «этих смелых комбинаций, которые согласовали бы интересы Германии и России» [Ibid.: 20–21].

В первые месяцы 1914 г. несколько крупных государственных чиновников обратились напрямую к царю, пытаясь убедить его улучшить отношения с Германией и начать с ней политическое сближение. Речь идет о небезызвестной записке П. Н. Дурново и обращении к царю барона М. А. Таубе на заседании Императорского исторического общества. Как подчеркивает Д. Макдональд, Дурново был опытным политическим дея-

телем и подавал свои аргументы так, чтобы они произвели максимальный эффект аудитории (около 50 высших сановников) и лично на императора [Макдональд 2012: 271]. Опираясь на комплекс экономических и стратегических аргументов об отсутствии между Россией и Германией серьезных противоречий и на убеждение в необходимости прочной солидарности между монархическими державами, Дурново полагал, как считает Макдональд, что Николай II разделяет идеи консерваторов о связи между основами самодержавной власти и внешнеполитической ориентацией [Там же: 273–274]. Кроме того, мотивы Дурново связывают с попыткой российских «германофилов» посредством прямого обращения к царю изменить «проанглийский» внешнеполитический курс Сазонова [Иванов, Котов 2014: 54].

По-разному оценивается равнодушие царя к аргументам, изложенным Дурново. По мнению Л. М. Искры, в своей записке Дурново преуменьшал русско-германские противоречия, и именно концентрация внимания Николая II на этих недостатках записки была одной из причин оставления ее без последствий [Искра 2010: 167]. Д. Макдональд предположил, что Николай II проигнорировал советы Дурново и его единомышленников по причинам, связанным с его собственным представлениями о самодержавной власти. После триумфального юбилея династии в 1913 г. царь «с новой силой уверился в своем органическом контакте с русским “народом”, отражением чего стала высказанная им уверенность в народной поддержке при следующем столкновении с Германией» [Макдональд 2012: 298–299]. Существует и мнение, что необходимость войны с Герmaniей была очевидной для императора, но, по существу, «ничем не обосновывалась» [Цимбаев 2022: 20].

В марте 1914 г. состоялись два секретных собрания петербургских «германофилов». По их общему решению барон М. А. Таубе должен был обратиться к Николаю II на заседании Императорского Русского исторического общества и постараться склонить его к изменению внешнеполитического курса. Это заседание состоялось 26 марта 1914 г. в Царском Селе под председательством Николая II. В заключение своего доклада, посвященного русско-австрийским отношениям при Николае I, Таубе провел аналогию между предпосылками Крымской войны и современной международной ситуацией, прозрачно намекая на опасность и нежелательность конфронтации с Германией [Taube 1937: 306–309]. Барон вспоминал:

Как только я дошел до событий, предварявших Крымскую войну, которые во многих отношениях были аналогичны нашей современной дипломатической ситуации, государь стал озабоченным, смущенным, почти недовольным. Я видел его сидящего напротив, опустившего голову над листом бумаги, который он нервно марал карандашом [Ibid.: 308].

Несмотря на недовольство всех присутствующих, особенно графа С. Д. Шереметева, Николай II поблагодарил Таубе за «чрезвычайно ин-

тересный и серьезный доклад». Тем не менее практических результатов обращение барона Таубе к царю не имело [Taube 1937: 309].

Судя по всему, ни записка Дурново, ни выступление Таубе не были для Николая II большим открытием. Он был прекрасно знаком с позицией прогерманских кругов в среде высшей российской бюрократии и придворной аристократии и с некоторыми их идеями солидарен. Очевидно, что политический кризис лета 1914 г., приведший к началу европейской войны, стал большим личным потрясением для Николая II, сохранявшего до конца веру в возможность мирного сосуществования России и Германии.

Почему же все-таки достаточно влиятельной группе «германофилов» среди представителей высших классов Российской империи не удалось накануне событий 1914 г. кардинальным образом изменить позицию Николая II? В отличие от неославянофильских кругов и представителей либерального национализма, позицию российских «германофилов» сложно свести к какой-либо разработанной идеологии. Большинство из них (В. Н. Ламздорф, Р. Р. Розен, М. А. Таубе) готово было солидаризироваться с Германией исключительно на основе традиционного монархического консерватизма, что в эту эпоху выглядело достаточно архаично. Остальные (П. А. Столыпин, С. Ю. Витте, П. Н. Дурново), не испытывая на самом деле симпатий к германским державам или тем более к идеологии пангерманизма, выступали из pragматических соображений вообще против войны, которая могла бы пагубно сказаться на внутреннем положении России. Безусловно, российские «германофилы» возлагали надежды, что Николай II решится на внешнеполитическую «революцию» и вернет внешнеполитический курс Российской империи к прогерманской ориентации, как в свое время его отец совершил обратную комбинацию и удивил цивилизованный мир неожиданным союзом с республиканской Францией. Сама позиция Николая II с его внутренней закрытостью и неопределенностью решений способствовала этим иллюзиям. В других политических вопросах также одни безрезульятатно ждали от императора «абсолютистского» переворота, а другие — «конституционного».

Но главным и в итоге определяющим фактором в неудаче российских «германофилов» накануне 1914 г., на наш взгляд, стало то, что на психоментальном уровне решение о войне с германскими державами было принято еще в 1880-е годы императором Александром III и в полной мере разделялось позже его наследником. Политическое мышление Николая II строилось на неославянофильском концепте исторического противостояния славянства, объединенного под скипетром Романовых, с германским миром. Демонстрируемое «миролюбие» царя отнюдь не означало его отказ от этой идеологической миссии. Свои истинные чувства всегда выдержаный и скрытный царь не стремился афишировать, и в этом вопросе являя свой прирожденный фатализм. Но рано или поздно Божья воля, как представлялось с его точки зрения, должна была разрешить этот «вековой конфликт» славянства с германизмом. События же лета 1914 г., начавши-

лся с очередного кризиса на Балканах, послужили лишь поводом к реализации этой провиденциальной истины. В современных исследованиях уже обращалось внимание на тот факт, что, в отличие от рационального и трезвого расчета в политике Англии и Франции в предвоенные годы, имевших все основания добиваться сокрушения германского соперника, российское руководство и лично Николай II были одержимы скорее иллюзорными и иррациональными соображениями [Исламов 2001: 15–16]. На этом фоне попытки российских «германофилов» апеллировать к рациональным принципам монархической солидарности или опасности войны как таковой в условиях незавершенности реформ и политического раскола общества в России не могли стать действенным противоядием против очевидного идеологического иррационализма, в котором пребывал русский царь.

Источники

- Вильгельм II 2007 — *Вильгельм II*. Мемуары. События и люди. 1878–1918 / Пер. Д. В. Триуса. М.: Изд-во Гос. публ. ист. б-ки, 2007.
- Записка 2014 — Записка П. Н. Дурново // Свет и тени Великой войны: Первая мировая в документах эпохи / Сост. А. В. Репников и др. М.: РОССПЭН, 2014. С. 58–73.
- Киреев 2010 — *Киреев А. А.* Дневник. 1905–1910 / Сост. К. А. Соловьев. М.: Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 2010.
- Олсуфьев 2021 — *Олсуфьев Д. А.* Вечный ковер жизни: Семейная хроника / Публ. М. Г. Талалая. М.: Индрик, 2021.
- Таубе 2007 — *Taube M. A.* «Зарницы»: Воспоминания о трагической судьбе предреволюционной России (1900–1917) / [Под ред. А. Сорокина, Т. Чеботаревой]. М.: Памятники ист. мысли; Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 2007.
- Чернин 2005 — *Чернин О. В.* дни мировой войны: Мемуары министра иностранных дел Австро-Венгрии. СПБ.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005.
- Чиркова 2017 — Переписка императора Николая II с матерью — императрицей Марией Федоровной. 1894–1917 / Подгот. изд., пер., предисл., comment. Е. И. Чирковой. М.: Индрик, 2017.
- DDF 1947 — Documents diplomatiques français (1871–1914). 1e sér. (1871–1900). T. 11 (1 janvier 1894 — 7 mai 1895). Paris: Alfred Costes; L'Europe nouvelle, 1947.
- DDF 1936a — Documents diplomatiques français (1871–1914). 3e sér. (1911–1914). T. 9 (1 janvier — 16 mars 1914). Paris: Alfred Costes; L'Europe nouvelle, 1936.
- DDF 1936b — Documents diplomatiques français (1871–1914). 3e sér. (1911–1914). T. 10 (17 mars 23 juillet 1914). Paris: Alfred Costes; L'Europe nouvelle, 1936.
- Korostovetz 1931 — *Korostovetz V.* Seed and harvest. London: Faber & Faber, 1931.
- Lieven et al. 1983 — British documents on foreign affairs: Reports and papers from Foreign Office confidential print. Part 1: From the mid-nineteenth century to the First World War. Ser. A: Russia, 1859–1914. Vol. 6: Russia, 1910–1914 / Ed. by D. B. C. Lieven et al. Washington: University Publications of America, 1983.
- ÖUA 1930 — Österreich-Ungarns Außenpolitik. Von der bosnischen Krise 1908 bis zum Kriegsausbruch 1914: Diplomatische Aktenstücke des österreichisch-ungarischen Ministeriums des Äußern. Bd. 5: 1 Dezember 1912 bis 31 März 1913. Wien; Leipzig: Österreichischer Bundesverlag für Unterricht wissenschaft und Kunst, 1930.

- Taube 1928 — *Taube M. de. La politique russe d'avant-guerre et la fin de l'Empire des tsars (1904–1917)*. Paris: Leroux, 1928.
- Taube 1937 — *Taube M. von. Der großen Katastrophe entgegen. Die russische Politik der Vorkriegszeit und das Ende des Zarenreiches (1904–1917)*. Leipzig: Koehler, 1937.
- Wank et al. 1994 — Aus dem Nachlaß Aehrenthal: Briefe und Dokumente zur österreichisch-ungarischen Innen und Außenpolitik. 1885–1912 / Hrsg. von S. Wank et al. Teil 1: 1885–1906. Graz: Neugebauer, 1994.

Сокращения

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации (Москва).

ОПИ ГИМ — Отдел письменных источников Государственного исторического музея (Москва).

Литература

- Алексеева 1998 — Алексеева И. В. Мириэль Бьюкенен: Свидетельница великих потрясений. СПб.: Лики России, 1998.
- Алексеева 2009 — Алексеева И. В. Последнее десятилетие Российской Империи: Дума, царизм и союзники России по Антанте. 1907–1917 годы. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2009.
- Вакониг 2012 — Вакониг М. Аристократ и дипломат: Дипломатическая миссия принца Франца де Паулы фон унд цу Лихтенштейна в Санкт-Петербурге в 1894–1898 гг. / [Пер. с нем. И. Петрова]. М.: Изд. Дом МИСиС, 2012.
- Гереш 1998 — Гереш Э. Александра. Трагедия жизни и смерти последней русской царицы / [Пер. с нем. С. А. Прилипского]. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998.
- Додонов, Копылова 2016 — Додонов Б. Ф., Копылова О. Н. Личная переписка императора Николая II: опыт реконструкции круга корреспондентов // Отечественные архивы. 2016. № 4. С. 3–13.
- Иванов, Котов 2014 — Иванов А. А., Котов Б. С. «Предвидение необычайной силы»: о «пророческой» записке П. Н. Дурново // Свет и тени Великой войны: Первая мировая в документах эпохи / Сост. А. В. Репников и др. М.: РОССПЭН, 2014. С. 51–57.
- Игнатьев 2000 — Игнатьев А. В. Внешняя политика России. 1907–1914: Тенденции. Люди. События. М.: Наука, 2000.
- Искра 2010 — Искра Л. М. Дурново П. Н. // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: Энциклопедия / Отв. ред. В. В. Шелохаев. М.: Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 165–168.
- Исламов 2001 — Исламов Т. М. Австро-Венгрия в первой мировой войне. Крах империи // Новая и новейшая история. 2001. № 5. С. 14–46.
- Кёнен 2010 — Кёнен Г. Между страхом и восхищением: «Российский комплекс» в сознании немцев, 1900–1945 / Пер. с нем. А. Б. Григорьева. М.: Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 2010.
- Леве 1997 — Леве Х.-Д. Александр III // Русские цари. 1547–1917 / [Под ред. Х. И. Торке; Пер с нем. П. В. Алтухова]. Ростов-на-Дону: Феникс; [М.: Зевс], 1997. С. 469–486.
- Ливен 2017 — Ливен Д. Навстречу огню: Империя, война и конец царской России / [Пер. с англ. Д. С. Бавина]. М.: Полит. энциклопедия, 2017.
- Макдональд 2012 — Макдональд Д. Записка Дурново: официальный консерватизм и кризис самодержавия // Величие и язвы Российской империи: Междунар. науч.

- сб. к 50-летию О. Р. Айрапетова / Сост. В. Б. Каширин. М.: Изд. дом. «Регнум», 2012. С. 270–299.
- Ольденбург 1991 — *Ольденбург С. С. Царствование императора Николая II*. СПб.: Петрополь, 1991.
- Рыбачёнок 2012 — *Рыбачёнок И. С. Закат великой державы: Внешняя политика России на рубеже XIX–XX вв.: цели, задачи и методы*. М.: Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 2012.
- Сагинадзе 2017 — *Сагинадзе Э. Реформатор после реформ: С. Ю. Витте и российское общество*. М.: Нов. лит. обозрение, 2017.
- Соловьев 1991 — *Соловьев Ю. Б. Князь В. П. Мещерский и его роль во внутренней политике в предвоенные годы // Проблемы социально-экономической истории России: К 100-летию со дня рождения Б. А. Романова* / [Отв. ред. А. А. Фурсенко]. СПб.: Наука, 1991. С. 250–265.
- Стогов 2007 — *Стогов Д. И. Правомонархические салоны Петербурга — Петрограда (конец XIX — начало XX века)*. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007.
- Уортман 2004 — *Уортман Р. С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии*. Т. 2: От Александра II до отречения Николая II / Пер. с англ. И. А. Пильщиков. М.: ОГИ, 2004.
- Фишер 2017 — *Фишер Ф. Рывок к мировому господству. Политика военных целей кайзеровской Германии в 1914–1918 гг.* / Пер. с нем Л. В. Ланника. М.: Полит. энциклопедия, 2017.
- Цимбаев 2022 — *Цимбаев Н. И. Николай II и его окружение в годы войны // Очерки русской культуры: Начало XX века* / [Ред. кол.: Л. В. Кошман и др.]. М.: Полит. энциклопедия, 2022. С. 18–46.
- Черникова 2017 — *Черникова Н. В. Портрет на фоне эпохи: князь Владимир Петрович Мещерский*. М.: Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 2017.
- McDonald 1993 — *McDonald D. M. A lever without a fulcrum: domestic factors and Russian foreign policy, 1905–1914 // Imperial Russian foreign policy* / Ed. by H. Ragsdale. Cambridge: Woodrow Wilson Center Press, 1993. P. 268–311.
- Steinberg 1995 — *Steinberg M. D. Introduction: Nicholas and Alexandra: An intellectual portrait // Steinberg M. D., Khrustalyov V. M. The fall of the Romanovs: Political dreams and personal struggles in a time of revolution*. New Haven; London: Yale Univ. Press, 1995. P. 1–38.
- Vinogradoff 1962 — *Vinogradoff J. Some Russian imperial letters to prince V. P. Meshchersky (1839–1914) // Oxford Slavonic Papers. Vol. 10. 1962. P. 105–158*.

References

- Alekseeva, I. V. (1998). *Miriell' B'iukenen: Svidetel'nitsa velikikh potriasenii* [Meriel Buchanan. A witness to great upheavals]. Liki Rossii . (In Russian).
- Alekseeva, I. V. (2009). *Poslednee desiatiletie Rossiiskoi Imperii: Duma, tsarizm i soiuzniki Rossii po Antante. 1907–1917 gody* [The last decade of the Russian Empire: The Duma, Tsarism and Russia's allies in the Entente. 1907–1917]. Al'iants-Arkheo. (In Russian).
- Chernikova, N. V. (2017). *Portret na fone epokhi: kniaz' Vladimir Petrovich Meshcherskii* [Portrait against the background of the epoch: Prince Vladimir Petrovich Meshchersky]. Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia (ROSSPEN). (In Russian).
- Dodonov, B. F., & Kopylova, O. N. (2016). *Lichnaia perepiska imperatora Nikolaia II: opyt rekonstruktsii kruga korrespondentov* [Personal correspondence of Emperor Nicholas II: The experience of reconstructing the circle of correspondents]. *Otechestvennye arkhivy*, 2016(4), 3–13. (In Russian).

- Fischer, F. (2017). *Griff nach der Weltmacht: Die Kriegszielpolitik des kaizerlichen Deutschland, 1914/18*. Droste.
- Heresch, E. (1994). *Tragik und Ende der letzten Zarin*. Wiener Verlag Himberg.
- Ignat'ev, A. V. (2000). *Vneshniaia politika Rossii. 1907–1914. Tendentsii. Liudi. Sobytiia*. [Russia's foreign policy. 1907–1914: Trends. People. Events]. Nauka. (In Russian).
- Iskra, L. M. (2010). Durnovo P. N. In V. V. Shelokhaev (Ed.). *Russkii konservativizm serediny XVIII — nachalo XX veka. Entsiklopedia* (pp. 165–168). Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopedia (ROSSPEN). (In Russian).
- Islamov, T. M. (2001). Avstro-Vengriia v pervoi mirovoi voine. Krakh imperii [Austria-Hungary in the First World War: The collapse of the Empire]. *Novaia i noveishaiia istoriia, 2001(5)*, 14–46. (In Russian).
- Ivanov, A. A., & Kotov, B. S. (2014). “Predvidenie neobychainoi sily”: o “prorocheskoi” zapiske P. N. Durnovo [“Foresight of extraordinary power”: About the “prophetic” note by P. N. Durnovo]. In A. V. Repnikov et al. (Eds.). *Svet i teni Velikoi voiny: Pervaia mirovaya v dokumentakh epokhi* (pp. 51–57). ROSSPEN. (In Russian).
- Koenen, G. (2005). *Der Russland-Komplex: Die Deutschen und der Osten, 1900–1945*. C. H. Beck.
- Lieven, D. (2015). *Towards the flame: Empire, war and the end of Tsarist Russia*. Penguin.
- Löwe, H.-D. (1995). Alexander III. In H.-J. Torke (Ed.). *Die russischen Zaren, 1547–1917* (pp. 339–353). Beck.
- McDonald, D. M. (1993). A lever without a fulcrum: domestic factors and Russian foreign policy, 1905–1914. In H. Ragsdale (Ed.). *Imperial Russian foreign policy* (pp. 268–311). Woodrow Wilson Center Press.
- McDonald, D. M. (1996). The Durnovo Memorandum in context: Official conservatism and the crisis of autocracy. *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, Neue Folge, 44(4)*, 481–502.
- Ol'denburg, S. S. (1991). *Tsarstvovanie imperatora Nikolaia II* [The reign of Emperor Nicholas II]. Petropol'. (In Russian).
- Rybachenok, I. S. (2012). *Zakat velikoi derzhavy. Vneshniaia politika Rossii na rubezhe XX–XX vv.: tseli, zadachi i metody* [The decline of a great power: Russian foreign policy at the turn of the 19th–20th centuries: goals, objectives and methods]. Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopedia (ROSSPEN). (In Russian).
- Saginadze, E. (2017). *Reformator posle reform. S. Iu. Witte i rossiiskoe obshchestvo* [The Reformer after the reforms. S. Yu. Witte and the Russian society]. Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Solov'ev, Iu. B. (1991). Kniaz' V. P. Meshcherskii i ego rol' vo vnutrennei politike v predvoennye gody [Prince V. P. Meshchersky and his role in domestic politics in the pre-war years]. In A. A. Fursenko (Ed.). *Problemy sotsial'no-ekonomicheskoi istorii Rossii: K 100-letiiu so dnia rozhdeniya B. A. Romanova* (pp. 250–265). Nauka. (In Russian).
- Steinberg, M. D. (1995). Introduction: Nicholas and Alexandra: An intellectual portrait. In M. D. Steinberg, & V. M. Khrustalyov. *The fall of the Romanovs: Political dreams and personal struggles in a time of revolution* (pp. 1–38). Yale Univ. Press.
- Stogov, D. I. (2007). *Pravomonarkhicheskie salony Peterburga — Petrograda (konets XIX — nachalo XX veka)* [Right-wing monarchical salons of St. Petersburg — Petrograd (late 19th — early 20th century)]. Dmitrii Bulanin. (In Russian).
- Tsimbaev, N. I. (2022). Nikolai II i ego okruzhenie v gody voiny [Nicholas II and his entourage during the war]. In L. V. Koshman et al. (Eds.). *Ocherki russkoi kul'tury: Nachalo XX veka* (pp. 18–46). Politicheskaiia entsiklopedia. (In Russian).
- Vinogradoff, J. (1962). Some Russian imperial letters to prince V. P. Meshchersky (1839–1914). *Oxford Slavonic Papers, 10*, 105–158.

Wakounig, M. (2007). *Ein Grandseigneur der Diplomatie. Die Mission von Franz de Paula Prinz von und zu Liechtenstein in St. Petersburg 1894–1898.* Lit.

Wortman, R. S. (2000). *Scenarios of power: Myth and ceremony in Russian monarchy, Vol. 2: From Alexander II to the abdication of Nicholas II.* Princeton Univ. Press.

Информация об авторе

Евгений Евгеньевич Юдин
кандидат исторических наук
доцент, кафедра истории, Московский
педагогический государственный
университет
Россия, 119991, Москва, Малая
Пироговская ул., д. 1, стр. 1
✉ eugeny_yudin@mail.ru

Information about the author

Evgeny Evgenevich Yudin
Cand. Sci. (History)
Associate Professor, History Department,
Moscow Pedagogical State University
Russia, 119991, Moscow, Malaya
Pirogovskaya Str., 1, Bld. 1
✉ evgeny_yudin@mail.ru